

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ:

К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ

Автор: О. А. КАЖАНОВ

КАЖАНОВ Олег Александрович - кандидат философских наук, научный сотрудник Смоленского государственного университета (СМОЛГУ).

Аннотация. Статья посвящена изучению предыстории современной отечественной электоральной социологии. Исследуются конкретные эмпирико-социологические исследования начала XX века, связанные с проведением политических выборов в стране. Делается вывод об актуальности углубленного изучения истоков электоральной мысли в России в связи с оценкой социологического наследия в русле развития мировой псефологической мысли.

Ключевые слова: электоральная социология * псефологическая мысль * фактологическая информация

Время зарождения отечественных электоральных социологических исследований в современном общественном знании трактуется неоднозначно. Согласно одной из точек зрения, деятельность социологов в этой сфере имеет довольно короткую историю, поскольку до рубежа 80 - 90-х годов прошлого века в стране не было реальных выборов [Колесников, 2001: 88 - 89].

Существует и другой взгляд на эту проблему. В. Амелин и А. Дегтярев считают, что в период с 90-х годов XIX века по 20-е годы XX века в рамках процесса дифференциации отечественной социологии политики шло формирование такого исследовательского направления, как социология выборов и электорального поведения, а также разрабатывались количественные и качественные методы политико-социологических исследований (анализ земской и электоральной статистики, политических документов, наблюдение за деятельностью фракций Думы и т.д.) [Социология в России, 1998:520].

Формирование народного представительства началось со второй половины XIX века в постреформенной России с практики выборов в органы местного самоуправления. Начало XX века ознаменовалось институализацией политических выборов, формированием законодательных органов государственной власти.

Избирательные кампании в Государственную Думу I-IV созывов (1906 - 1912) проходили в условиях острой политической борьбы между сторонниками и противниками самодержавной власти, представляли вариант модели полуконкурентных выборов. Появление у избирателя (пускай и не полной) свободы выбора альтернативных кандидатов создавало момент непредсказуемости результатов голосования и ограничивало стремление царской администрации контролировать этот процесс. "С того момента, - писал один из современников, - как население получает право принимать участие в управлении страной посредством выборов народных представителей, все политические течения ео ipso получают право на существование, становятся правомерными. Законодатель может ограничивать или расширять избирательное право тех или других общественных классов, предполагая (здесь и далее - курсив авт.), что тем самым он обеспечивает то или иное политическое направление представительного учреждения, но этим формально и по существу ограничивается его вмешательство. В пределах данной избирательной системы право выбора свободно. Даже самое про-

извольное вмешательство администрации в выборы только ограничивает этот принцип, но несколько не нарушает, не колеблет его по существу" [Смирнов, 1909: 56].

Эффект непредсказуемости властные структуры стремились свести к минимуму, а оппозиционные силы - использовать в своих интересах. Соответственно, и те, и другие испытывали потребность в понимании механизмов, определявших поведение избирателей, с целью выработки эффективных избирательных технологий, способных принести победу на думских выборах. Это неизбежно рождало практический интерес к проведению эмпирических электоральных исследований, позволявших разобраться во внутренних механизмах, факторах формирования электорального выбора россиян. Факт их существования в начале XX века отмечают современные историки отечественной социологии, фиксируя появление в это время большого количества научных работ, обобщающих эмпирический материал, полученный при изучении различных сфер общественной жизни [Развитие социологии..., 1994: 61 - 62].

Выбранные рамки статьи не позволяют в полном объеме раскрыть содержание отечественного литературного наследия того времени, включающего в себя эмпирико-социологические исследования псефологической направленности. Мы постараемся познакомить читателя лишь с некоторыми из них с целью формирования представления о том, в какой степени было развито изучение электоральных процессов в русской эмпирической социологии начала XX века.

Объектом исследовательского внимания стали социальные аспекты разрабатываемых избирательных систем, на основе которых предлагалось проводить формирование народного представительства в России. Царский рескрипт 18 февраля 1905 года положил начало официальному законотворчеству в сфере избирательного права, но и стимулировал творческую активность общественности в этой сфере. Среди многочисленных проектов избирательных систем выделялись радикальные варианты, авторы которых предлагали введение в стране всеобщего избирательного права.

Один из представителей этого направления И. Чернышев попытался смоделировать социальную структуру российского электората в случае проведения в стране свободных выборов в Учредительное Собрание. К первоначально заданным параметрам своего статистико-социологического исследования он отнес регламентацию избирательного процесса на основе принципов так называемой "четырёхвостки". "Строго демократическое содержание эта формула получает только в том случае, - отмечал он, - если в ней заключается требование активного и пассивного избирательного права для всех совершеннолетних (достигших 21 года - *Прим. авт.*) граждан обоого пола без различия национальности и вероисповедания, при неременном условии, чтобы каждый избиратель пользовался *не более как одним голосом*, подавал этот голос *тайно* и избирал *непосредственно* депутата, а не выборщика" [Чернышев, 1906: 277]. Он провел сравнительный анализ социальных характеристик населения страны, представленных в официальных отчетах переписи 1897 года, рассчитав общее количество избирателей и их социальный состав (половозрастные, образовательные, этнические, вероисповедные, сословные и др. характеристики). Основной акцент был сделан на разработке социально-классовой сегментации электорального корпуса, построенной на социальном размежевании интересов собственников и наемных рабочих.

Анализ статистических данных переписи населения 1897 года позволил И. Чернышеву рассчитать социально-классовый континуум избирательного корпуса для условий проведения свободных демократических выборов в стране. Его численность составила около 62 млн. человек, или около половины населения страны. Электорат делился примерно на две равные по численности половые группы. Однако, по ряду социальных характеристик такого равенства между мужчинами и женщинами, имевшими право голоса, не наблюдалось. Мужчины были более грамотны, в большем количестве проживали в городах, самостоятельно добывавших себе средства к существованию, в их среде в четыре с половиной раза превосходил аналогичный показатель у женщин.

И. Чернышев, используя метод картографии, сумел выделить территориальное расположение основных социально-классовых сегментов избирательного корпуса, очертив тем самым "электоральный ландшафт" России начала XX века. Использование схемы "колец" позволило разделить губернии Европейской части России, Царства Польского и Кавказа на районы с преобладанием населения, занятого в сельскохозяйственном или промышленном производстве. Основное кольцо составили 47 аграрных областей, в которых избиратель-земледелец должен был определять итоги голосования. В центре этого кольца и по окружности располагались губернии, в которых доля пролетаризированного населения была достаточно значительной, чтобы оказать влияние на исход выборов.

Электоральный прогноз И. Чернышева однозначен: при выборах на основе всеобщего избирательного права 6.5 млн. голосов избирателей пролетариев потонут в 43-х миллионной массе голосов сельских жителей. "Даже считаясь с имущественным расслоением земледельческого населения, - указывает исследователь, - необходимо признать, что главной опорой будущей Российской Конституции окажется земледелец - у нас, как известно, по преимуществу, мелкий "хозяин". Какой бы революционной ни оказалась мелкая земельная буржуазия в вопросе о "конфискации земель" крупных помещиков, государства и уделов, признает она только конституцию, в основе которой лежит господство частной собственности на средства производства" [Чернышев, 1906: 347]. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (1917) подтвердили мысль И. Чернышева о том, что российское общество начала XX в. не было готово к социалистическим преобразованиям и политическое будущее страны должны были определять не пролетарские, а мелкобуржуазные крестьянские партии.

Исследование И. Чернышева является примером применения наиболее популярной в то время статистико-социологической методики сбора, обработки и анализа фактологического материала. Высокую оценку этому методу в 1919 году дал русский неопозитивист К. Тахтарев, мечтавший видеть социологию точной наукой. "Статистико-социологический аналитический метод, - писал он, - служит самым действенным средством устанавливать социологические законы, что и составляет конечную цель социологии как науки о закономерностях явлений общественной жизни" [Социология в России XIX..., 1997:225].

Однако в прикладных электоральных исследованиях начала XX века были задействованы и другие методические подходы. Например, опрос в форме заочного анкетирования. Его использовали организационные структуры феминистской общественной организации "Союз равноправности женщин", созданной в 1905 году и выступавшей за предоставление избирательных прав российским женщинам. Одним из направлений работы "равноправок" стала пропаганда идей суфражизма среди представителей признанных общественным мнением политических и общественных объединений. Среди таких объединений был и Союз земцев-конституционалистов, который на проводимых съездах бойкотировал феминистские резолюции. Используя отделения на местах, бюро "Союза равноправности женщин" обратилось к земским деятелям с просьбой ответить *да* или *нет* на вопрос: считает ли данное лицо нужным предоставить женщинам политические права? Кроме того, феминисток интересовала оценка респондентами своевременности этого вопроса. Всего было разослано 169 запросов; получено 63 ответа [Мирович, 1905: 167]. Опрос показал, что проблема женской политической эмансипации в земском сообществе трактовалась неоднозначно. Анализ анкет выявил особенность: сторонники отмены ценза пола отвечали односложно: *да*; противники - пространно обосновывали свою позицию. Они отмечали консерватизм женщин и их политическую неподготовленность, возможность противодействия идеям суфражизма в крестьянской среде, несовместимость выполнения семейных обязанностей с политической активностью и т.д. Результаты исследования позволили наметить новые направления пропаганды идеи политического равноправия полов среди земских деятелей.

Выборы в I Государственную Думу стимулировали всплеск исследовательского интереса к проблеме электорального выбора россиян. Одним из направлений такой работы стало изучение социальных характеристик депутатского корпуса, получившего доверие народа. Как показывает ретроспективный анализ, попытки нарисовать "социальный портрет" только что сформированного органа законодательной власти предпринимались еще в короткий период деятельности I Государственной Думы (апрель - июль 1906 года). К ним можно отнести инициативу депутата Н. Бородин провести статистическое анкетирование членов российского парламента [Бородин, 1906].

Был разработан инструментарий в виде специального опросного листа, содержание которого обсуждалось и утверждалось на частном совещании членов Думы 10 мая 1906 года. Анкета включала следующие вопросы: имя, отчество и фамилия депутата, от какой губернии, области или города, какими избирателями избран (курии или первая степень выборов), возраст, степень образования, вероисповедание, национальность (племенной состав), сословие, профессия, или занятие, имущественное положение (по числу десятин земли или заработка), принадлежность к политической партии и парламентским группам. Интересно, что участники совещания внесли в анкету дополнительное примечание относительно репрессий, которым подвергались отдельные члены Думы. Было получено 448 заполненных опросных листов, содержащих значительный массив статистических данных. Н. Бородин проанализировал эффективность разработанного инструментария, отметил, что анкетирование позволяет познакомиться с субъективным восприятием парламентариями своего социального положения. Для удобства анализа было использовано графическое выражение квантифицированной эмпирической информации в виде простой табличной группировки. Работа с числовыми рядами включала в себя как внутри-, так и межгруппировочный разбор цифрового материала. При этом были задействованы методика компаративных статистических исследований и корреляционный анализ. В первом случае сравнивались данные первичной и вторичной фактологической информации, что использовалось исследователем для обоснования социальной специфики первого российского парламента относительно других представительных учреждений (как отечественных, так и зарубежных), социальной структуры населения страны и т.д. Корреляционный анализ способствовал решению задачи изучения взаимосвязи между рядами показателей в различных табличных группировках (например, распределением думцев по сословиям и распределением по занятиям и профессиям).

Проведенный анализ собранных статистических данных позволил Н. Бородину составить интересный, на наш взгляд, "социальный портрет" депутатского корпуса первого общероссийского парламента. Средний возраст избранников народа колебался в пределах от 30 до 50 лет, что характеризовало ориентацию россиян на деятельный парламента, способный к политическому реформаторству. Страна проголосовала за орган законодательной власти, в котором почти 42,1% депутатов имели высшее образование и только двое оказались неграмотными. Изучение сословного состава указывало на преобладающее положение в численном отношении представителей крестьянства (45,5%). Вместе с депутатами, представлявшими интересы мещан (4,4%) и казаков (2,2%), они составляли более половины всего состава парламента. Полученные результаты убеждали читателя в надуманности утверждений левых думских оппонентов о помещичьем характере I Государственной Думы. Изучение профессионального состава депутатского корпуса позволило развеять миф и о преобладающей роли (по числу и значению) представителей высшей школы. Лишь 3,1% депутатов от общего числа составили профессора и приват-доценты. Наибольшее число депутатов было избрано крестьянами, за ними следовали избранные горожанами, далее - землевладельцами (мелкими и крупными). Лишь 17 парламентариев были избраны рабочими.

Н. Бородин сумел выделить партийные предпочтения различных социальных групп электората. Депутаты конституционно-демократической партии были избраны главным образом городскими избирателями (более половины от общего числа), члены

трудоу группы - крестьянами (три пятых от общего числа), октябристы - землевладельцами (почти половина) и беспартийные депутаты - преимущественно крестьянами.

Исследование, проведенное Н. Бородиным, получило известность как у современников [Общественное движение..., 1911: 3 - 4; Орловский, 1906: 36], так и у исследователей российского парламентаризма в последующие исторические эпохи [см., например: Государственная Дума..., 2006: 108 - 109; Сидельников, 1962: 196 - 199].

Интересный, с научной точки зрения, электоральный прогноз выборов в III Государственную Думу был сделан В. Г. Громаном (литературный псевдоним - В. Горн) [Горн, 1907а; 1907б; 1908]. Для того чтобы добиться поставленной цели, по его мнению, "необходимо было определенно квалифицировать базирующиеся в стране общественные силы, установить их действительное, по их социально-политическим тенденциям, взаимоотношение, и уже на эти, вне избирательной системы найденные определения, наложить схемы и нормы системы, введя затем, в качестве практического коэффициента, административные приемы поправок к нежелательным результатам воплощения норм в жизни" [Горн, 1907а: 142]. Таким образом, предпрогнозная аналитическая работа должна была включать в себя три основных этапа: исследование реально складывавшейся электоральной ситуации (до принятия нового избирательного закона), изучение результатов воздействия на эту ситуацию положений нового правового акта и, наконец, оценку возможных административных "корректировок" нежелательных для правительства последствий реализации принятого решения.

В основу исследовательской работы было положено изучение электоральной статистики. В. Горн высоко оценивал познавательную значимость этого метода. "Статистический анализ, - указывал он, - должен и может выявить и учесть влияние всех факторов, влияющих на исход выборов, как-то: классовый состав избирательных коллегий, отношения между классами, политическое настроение отдельных классов, влияние сложившихся партий и их взаимоотношение, роль национального состава курий, личное влияние отдельных кандидатов, непосредственный интерес отдельных выборщиков попасть в депутаты и, наконец, административное "влияние" на выборы" [Горн, 1907а: 3]. Как видим, в этом определении фиксируется ряд исследовательских направлений (например, изучение социального состава электората, специфики предвыборных технологий и т.д.), составивших объектную основу будущей электоральной социологии.

На рубеже XIX-XX веков в социологии превалировал интерес к статистическим методам изучения выборов, связанным с поиском уникального сочетания разнообразных факторов (исторических, экономических, социальных и т.д.), обеспечивавших относительную устойчивость электоральных предпочтений. В. Горн обращается к методу анализа агрегированных данных, которые включали в себя сведения о социокультурном составе населения определенных территориальных единиц и результаты голосования за партии в этих населенных пунктах. Основная гипотеза исследования: наличие устойчивой взаимосвязи между социально-классовым статусом и партийными предпочтениями в цепочке "избиратель-выборщик-депутат". Для подтверждения этого предположения он проводит сравнительный анализ социально-классового и партийного состава депутатов II Государственной Думы, избранных губернскими избирательными собраниями, с социально-классовым составом и партийными ориентациями выборщиков, осуществлявших голосование. Губернии Европейской России, в которых проводились выборы, были разделены исследователем на пять основных региональных групп в зависимости от преобладания в них представителей тех или иных избирательных курий (крестьян, землевладельцев, городских служащих, владельцев торгово-промышленных предприятий). Определяя процентное соотношение выборщиков различных классов и выбранных во II Государственную Думу депутатов от различных партий, В. Горн фиксирует устойчивую зависимость итогов выборов от классового состава избирательных коллегий. Данные статистики указывали на то, что крестьянство тяготело к левым партиям (трудоуикам и социалистам), горожане -

к кадетам (главным образом, к левым), а землевладельцы отдавали свои голоса правым партиям.

Анализируя "квоты" народного представительства на думских выборах, прописанные в избирательном законе 3 июня 1907 года, и сопоставляя их с выявленными политическими предпочтениями различных социальных групп, исследователь вскрывает политические цели правовых манипуляций.

Они, по мнению В. Горна, состоят в стремлении власти лишить крестьян особого представительства, сократить размер их влияния на выборы, резко повысить роль землевладельцев и крупной буржуазии и уменьшить влияние городских слоев электората на итоги голосования. А раз это так, то правовой акт от 3 июня 1907 года - лишь наскоро сфабрикованная избирательная махинация.

Вычислив по каждой из 51 губернии Европейской России процентное соотношение выборщиков разных классов и умножив его на коэффициент политической направленности каждого класса, В. Горн прогнозирует вероятный политический состав избирательных комиссий на выборах в III Государственную Думу в сравнении с аналогичными данными на предшествующих выборах. Он приходит к выводу о том, что оппозиция (левые, прогрессисты, беспартийные) и консервативно-реакционный политический блок (умеренные, октябристы, правые) поменяются местами: если раньше было 59% оппозиции и 41% правых, то теперь, скорее всего, будет 45% первой и 55% второй.

Определив возможный партийный состав будущего парламента по различным районам и суммировав полученные результаты, В. Горн делает следующий прогноз: 58% депутатов, избранных в Европейской России, и не менее половины всех членов III Государственной Думы будут составлять представители реакционно-консервативного лагеря. Сравнивая в процентном отношении партийный состав предыдущей и будущей Думы, исследователь указывает, что количество депутатов - социалистов, скорее всего, уменьшится в четыре, трудовиков - в два с половиной, кадетов и примыкающих к ним - в полтора раза. В то же время число беспартийных и правых депутатов возрастет в два с половиной раза.

Попытка прогнозирования результатов выборов в III Государственную Думу на основе изучения изменений в классовом составе избирательных коллегий коренной России дополняется изучением политической ситуации, складывающейся в соответствии с новой избирательной системой, в национальных окраинах страны. Применение разработанных правовых норм, по подсчетам В. Горна, было ориентировано на уменьшение их представительства и изменение партийного состава избранных в пользу правых политических организаций. Лишение избирательных прав "инородцев" обосновывалось ссылками законодателя на их "некультурность". Проведенный сравнительный анализ образовательных и профессиональных характеристик парламентариев II Государственной Думы, избранных от 45 губерний Европейской России, Степного Края и Средней Азии, позволил В. Горну доказать обратное. Количество лиц с высшим и средним образованием превалировало среди депутатов от национальных окраин. В составе последних присутствовали: 4 врача, 1 присяжный поверенный (киргиз) и 1 частный поверенный, 1 податной инспектор, 1 мировой судья, окончивший университет (киргиз), 1 подполковник милиции и 1 бывший помощник губернатора, 1 учитель городского училища, 1 помощник машиниста, 1 конторщик железной дороги, 3 торговца, из которых один уже служил на общественной городской службе торговым депутатом, 2 муллы [Горн, 1907а: 31 - 32].

Общий итог проведенного электорального исследования выразился в однозначном прогнозе доминирования в III Государственной Думе право-консервативного партийного блока, состоящего в основном из буржуазных и землевладельческих октябристов и представляющего собой политическое оформление коалиции власти и экономически господствующих классов. Чтобы избежать субъективизма в оценках, В. Горн пролонгирует свое исследование. Оценивая итоги выборов в III Государственную Думу, он анализирует плюсы и минусы сделанного прогноза, факторы, повлияв-

шие на степень его научной разработанности и т.д. [Горн, 1907b]. Наконец, начало работы вновь избранного парламента было использовано для фиксации возможной партийно-политической структуры депутатского корпуса и определения характера его управленческой деятельности [Горн, 1908].

Приведенные примеры эмпирико-социологических исследований начала XX века указывают на правильность утверждения о наличии у современной отечественной электоральной социологии развитой предыстории. Ее углубленное изучение позволит понять взгляды дореволюционных мыслителей на механизмы электорального выбора и специфику их функционирования в условиях российской действительности, рассмотреть применявшиеся в то время методы сбора и анализа фактологической информации и выявить степень их научной обоснованности. Обращение к истокам электоральной социологии в России дает возможность определить ее место в общем русле становления мировой псефологической мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бородин Н. А.* Государственная Дума в цифрах. СПб.: Издание товарищества "Общественной Пользы", 1906.
- Горн В.* Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-й Думы (Политико-статистический этюд) // Современный мир. 1907а. N 7 - 8.
- Горн В.* Прогноз и действительный исход третьих выборов // Современный мир. 1907b. N11.
- Горн В.* Спасители России (Этюд политической статистики) // Современный мир. 1908. N 1.
- Государственная Дума в России: 1906 - 1917. Историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2006.
- Колесников Ю. С.* Прикладная социология. Ростов-на-Дону: "Феникс", 2001.
- Мирович Н.* Съезды земских и городских деятелей и вопрос об избирательных правах женщин (письмо в редакцию) // Русская мысль. 1905. Кн. XI.
- Общественное движение в России в начале XX века / под ред. *А. Мартова* и *А. Потресова*. Кн. 7. Том. IV. Ч. 2. СПб., 1911.
- Орловский П.* Некоторые итоги первой Думы // Образование. 1906. N 9.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / под ред. *Е. И. Кукушкиной*. М.: Высшая школа, 1994.
- Сидельников С. М.* Образование и деятельность Первой Государственной Думы. М.: Изд-во Московского университета, 1962.
- Смирнов Е.* Избирательная кампания в Санкт-Петербурге // Современный мир. 1909. N 10.
- Социология в России / под ред. *В. А. Ядова*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.
- Чернышев И.* О всеобщем избирательном праве и его применение в России // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. Вып. 2. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906.